КРОКОДИЛ №11 1980

ISSN 0130-2671

— Что это со столбом?
— Да мы здесь удобрения сгружаем, вот он и разросся.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Бесспорно, в удобрениях таится чудодейственная сила, но относиться к ним нужно осторожно. Удобрения дарят жизнь всходам, но порой приносят неприятности...

См. стр. 8.

КАК ЗАКРЫТЬ ВОПРОС

«Из множества клиентов, ежедневно обращающихся в нашу мастерскую с просьбой поставить на гарантийный учет пишущую машинку «Ятрань», мы можем удовлетворить лишь двух-трех, ибо подавляющее большинство клиентов не укладывается в установленный заводом срок».

(Б. Ф. Булкин, начальник гарантийной мастерской завода «Мосгорремоpгтехника»).

Это не случайная информация, попавшая в «Крокодил». В № 9 за прошлый год безымянный фельетонист писал о «Ятрани». Хороший, констатировал он, механизм, «но не закрепили при сборке контактик — и скомпрометирован труд многих сотен людей».

Откроем карты: автор этих строк скрывался за обобщенным псевдонимом. Больше года минуло с тех пор, и я хочу воспользоваться случаем, дабы публично признать, суеверно постучав по столу костяшками пальцев: мне повезло. Машинка работает (именно на ней я отстукиваю сейчас данный «Монолог»), а те мелкие неполадки, которые выскакивали вдруг, оперативно устранялись в рамках гарантийных обязательств завода.

И вот тут-то мне повезло особенно. Без всяких мытарств поставил я свой прихотливый механизм на гарантийное обслуживание, ибо тогда еще завод не опустил на пути клиента хитроумный шлагбаум.

Как было? Вы приходили в магазин, отваливали кругленькую сумму и, кряхтя, утаскивали нераспечатанную коробку. Нераспечатанную — суть в этом. А уж явившийся из мастерской кудесник извлекал ее из полистирольной упаковки, колдовал над ней четверть часа, и к вашим услугам агрегат, задуманный, а иногда и исполненный безукоризненно.

Так было. Но время шло, и зазор между «безукоризненно задуманный» и «безукоризненно исполненный» исподволь, но неуклонно увеличивался. Число рекламаций катастрофически росло, и то, что прежде числилось вопросом в ряду других, вымахало для Кировоградского завода пишущих машин в грозную проблему.

А теперь внимание, читатель. Тема настоящего монолога не качество пишущих машинок (хотя и оно, бесспорно, заслуживает разговора), а нечто более общее. Некая тенденция, которая все более ощутима в нашей с вами жизни и которая проявилась в разбираемом сейчас эпизоде с наглядностью.

Итак, перед заводом встала проблема. Что же делать? Повысить, скажете вы, качество, и тогда устрашающе разбухшая статья гарантийных расходов сама по себе опадет до радующей глаз элегантности. Но легко сказать: повысить, а попробуй осуществи это на практике! Столько барьеров и барьерчиков тут, что пока преодолеешь дистанцию, не семь, а семижды семь потов сойдет с тебя. А зачем? Зачем, спрашивается, мучить себя на магистральном пути, когда можно с приятностью прошмыгнуть по неприметной, но надежной дорожке.

Найти такую дорожку не всегда легко, но, пораскинув мозгами, можно. Завод, во всяком случае, сумел.

Передо мной два паспорта к пищущей машинке «Ятрань». Глянешь, и ничем вроде бы не отличаются друг от дружки. Разве что датированы разными годами. Один — 1978-м, другой — 1979-м. Но вчитайтесь внимательней, и в позднейшем издании вы обнаружите пункт, которого в предыдущем не было. Вот он: «Машинка должна быть поставлена на гарантийный учет в течение десяти дней после приобретения».

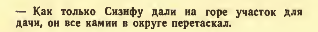
Это не формальный пустяк. Стратегический ход — вот что это. Нововведение, призванное довести компрометирующую статью расходов на гарантийный ремонт до искомой элегантности.

Коварный пункт этот не вынесен на видное место. Умело упрятан он в убористом и обильном тексте паспорта, который, в свою очередь, упрятан в упаковке, а ее следует вскрывать лишь лицу, в техническом отношении компетентному. Поэтому в подавляющем большинстве случаев владелец машинки узнает о суровом регламенте лишь по его истечении. Как правило, случается это в мастерской, куда клиент дисциплинированно является для постановки агрегата на гарантийный учет.

— Не имеем права,— сочувствуют ему.— Вы просрочили.

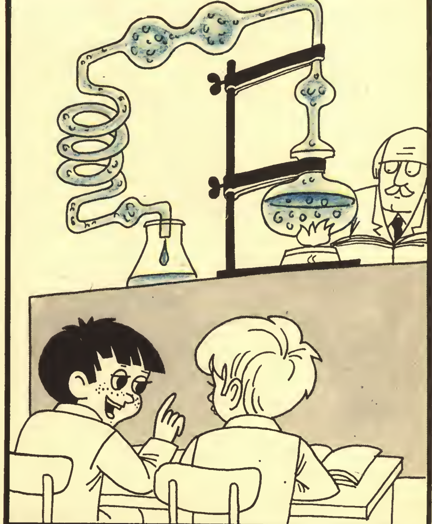
Ах, какие тут разыгрываются сцены! Высокого драматического накала достигают они. Тщетно! Напрасно доказывает представитель учреждения, приобретшего «Ятрань», что они не успели оформить платежного документа. Напрасно клянется индивидуальный владелец, что, внимая рекомендации магазина, он не рискнул без мастера вскрыть упаковку. Напрасно ссылается на холодильники, часы и прочий ширпотреб, с которым можно обратиться в мастерскую в течение всего

— Как только Сизифу дали на горе участок для дачи, он все камни в округе перетаскал.

Рисунок Г. КАРАВАЕВОЙ

— Тут мне и учить нечего, все это есть у нас дома.

Рисунок С. ИЛЬИНОЙ

гарантийного срока. Все напрасно! Забудьте о полутора годах, в течение которых завод официально обязуется бесплатно устранять большие и малые дефекты. За ваш счет пойдет все, и пусть утешением для вас служит то, что отныне качественные показатели завода-изготовителя круто поползут вверх.

Проблема закрыта. Не решена, а закрыта, причем разница между этими определениями принципиальная.

Помните, сколько нареканий было на нашу фармацевтическую индустрию, которая умудрялась создавать дефицит самых простых отечественных лекарств? Сейчас, кажется, таких нареканий стало меньше. Но проблема не решена, проблема закрыта. Как? А очень просто: врачам рекомендовано выписывать пациенту не то, что требует его занемогший организм, а что есть на данный момент в близлежащей аптеке. Никакой беготни, никаких мытарств, никаких жалоб. Просто, как все великое.

Который уже месяц бьется уважаемая газета с не менее уважаемым ведомством, пытаясь получить от него вразумительный ответ, почему перестали принимать заказными бандеролями книги. Только ценными. Неужели Министерство связи, саркастически вопрошает газета, публично расписывается в собственном бессилии? Не расписывается, отвечает министерство. И вопрошает, в свою очередь: известно ли газете о книжном буме, который куролесит по стране? Он, бум, породил проблему, которой прежде не существовало: книги, путешествующие от отправителя к адресату, таинственно исчезают.

Все верно: породил. И министерство закрыло ее. Не решило, а закрыло. Что же неймется уважаемой газете?

Все, читатель. Больше не будет примеров. Добросовестно произнесли мы свой монолог, обозначив проблему (еще одну!) — обозначив, но, надеемся, не закрыв ее.

Р. КИРЕЕВ

В ОДНОМ НИИ

— Иван Иванович, лучше его не будите, а то потребует, чтобы его обеспечили заданием.

Рисунок В. БОКОВНИ (г. Ленинград)

К. УБИЛАВА, Р. ДЖАЛАГАНИЯ,
специальные корреспонденты Крокодила

В БЛИЗКОМ КРУГУ

Вот уж никак не ожидал М. Б. Сулейманов, директор совхоза «Серго» Магарамкентского района, что все обернется таким кислым образом. Поначалу же дело шло прекрасно, и говорившие были вполне конструктивны, да и тон речей был, как говорится, «во здравие». А потом слово взял сидевший до той минуты тихо-тихо старший в роде джигит, и все пошло как бы «за упокой».

— Так-то оно так,— сказал седобородый аксакал,— и твои личные успехи неоспоримы. Но как относишься ты к людям? Да ты буквально какой-то вампир. Взять, например, твоего же родного брата. Ты кем назначил его?

— Завхозом,— опешил Сулейманов.

— Вот-вот! — затрясся старец.— Именно завхозом. То есть безжалостно швырнул на самый взрывоопасный участок! Нет, нет, ты достоин того, чтобы я тебя проклял...

— Постой, аксакал, подожди еще немного и не произноси страшных слов,— запротестовал Сулейманов.— Не давал ли я брату-завхозу многочисленных премий? Не пошли ли по совхозу даже гнусные слухи о том, что совхозный фонд материального поощрения расходится по моей родне?

— Пусть так! — загремел старец, подняв свою морщинистую длань.— А бесконечные ревизии, а народный контроль? А бессонные ночи в ожидании рейдов комсомольского прожектора? Не-ет, ты достоин проклятия. И, кстати, как обошелся ты с шурином?

Сулейманов отер пот с лица и упавшим голосом отвечал:

— С шурином? Не прирезал ли я ему лишней земли?

— Вот именно! — саркастически задребезжал старик, занося руку еще выше.— И тем самым дал злопыхателям — главному агроному Насруллаеву, старшему ветврачу Абдулмеджидову и старшему зоотехнику Керимханову — еще один повод для сочинения писем во все инстанции...

— Но я же уволил этих ядовитых писак по собственному желанию! — запротестовал директор.— Не снимает ли это с меня часть вины перед моими бедными родственниками?

По собравшимся пробежал ропот не то одобрения, не то негодования.

Аксакал постоял немного в задумчивости, затем, все еще не опуская руки, иронически спросил:

— А зять?

— Что зять?! — закричал Сулейманов.

— Зятя ты поставил бригадиром, и ему ничего не оставалось, как перерасходовать государственные средства. Нарсуд взыскал с него тысячу рублей. Про-кли...

— Постой, не спеши! Аллах свидетель, что я тотчас же придумал ему должность, не предусмотренную штатным расписанием...

Собравшиеся снова зашумели, в связи с чем председательствовавший постучал по графину, призывая к порядку. Старый же джигит высказался так:

— Ну так и быть, ладно. Я еще подожду маленько и послушаю других, а уж потом окончательно решу вопрос о проклятии тебя.

А затем слово взял еще один джигит, который заявил:

— Аксакал глубоко и проникновенно прав. Ведь ты свински относишься не только к ближайшим тебе людям, но и лично к себе. Дом себе строил? Строил. Не мог, что ли, целиком из казенного материала возвести? Так нет же: еще и какие-то квитанции, документы припас...

— Неправда! — вспыхнул тов. Сулейманов.— Весь лес, камень и цемент, ушедшие на мою личную стройку, никак не оприходованы. И, кроме того, на мой дом ушли детали, предназначавшиеся для постройки сборно-щитового магазина...

— А все равно,— выкрикнул уже выступавший ранее аксакал,— надо предать тебя анафеме! Ты почему сто восемьдесят шесть казенных ящиков под фрукты, кровно совхозных, раздал не своим родственникам, а каким-то пришлым, со стороны? Почему доверил продажу груш и яблок в махачкалинском магазине «Дары природы» опять-таки не родне, а каким-то случайным коммерсантам? И где они, я тебя спрашиваю, денежки, вырученные от реализации сих даров природы?

И сник директор, печально рухнул на место, и уже встал во весь свой величественный и импозантный рост старец для зачтения публичной анафемы, как заметил в помещении не известных никому дотоле двух людей с авторучками и блокнотами. И сказал тогда старец так:

— Вахх! Скажи мне, о директор, кто эти два человека, проникшие на наше совещание? Я вижу их в первый раз.

— Вахх! — в тон ему отвечал Сулейманов.— А я их уже у нас видел. Только как они сюда попали — не пойму. Это корреспонденты Крокодила. Я вижу по их лицам, что они также хотят высказаться...

— Да,— почти хором заметили авторы.— Мы действительно хотим добавить. На наш взгляд, слишком вы круто навалились на своего родственника. А ведь где еще найдешь такого уникального руководителя, который бы на свой страх и риск вдруг взял да и забил совхозное овцепоголовье? А? Без малого пятьсот особей?! Да потом еще их же по-свойски и разбазарил? Нет, такого заботливого человека еще поискать надо!

Дагестанская АССР.

Вл. МИТИН, Е. ШАБЕЛЬНИК,
специальные корреспонденты Крокодила

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ БУМАЖНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Под Новый год сразу в нескольких географических регионах, а именно — в Красноярском крае, на Урале, под Тулой и в Бумажном проезде — произошли невероятные события. И хотя они имели место лишь на бумаге, эффект их был очень значителен.

Так, в Красноярском крае директор Решетовского канифольного завода тов. Формозов приступил к написанию отчета о поставке канифоли на Камский целлюлозно-бумажный комбинат. И уже вылились из-под пера первые эластичные фразы, как директор завода нечаянно пересмотрел написанное и обомлел: все слова расплылись на бумаге безобразным пятном! Помянув нечистую силу, директор стремительно написал на другом листке: «В истекшем году наш завод успеш...» И опять все поплыло пятнами, да какими!

В то же время, но в другом месте также творилось нечто почти колдовское. Движимые самыми высокими чувствами, лидеры предприятий, поставляющие Красокамску различные химикаты, решили поздравить своих партнеров с новым бюджетным годом. Так, товарищ Безгодов, посылающий краснокамцам с Урала кальцинированную соду и хлор, распорядился доставить в свой кабинет наилучшую бумагу. Спеша излить новогодние чувства, тов. Безгодов не сразу заметил, что бумага дифтеритно посерела.

— Что ж это такое? — корректно вознегодовал директор.— Я просил дать бумагу номер один, а мне подсунули невыразительный третий номер! Куда смотрит отдел снабжения и сбыта?

Спешно принесли бумагу искомого номера, вновь склонился над нею товарищ Безгодов, дабы лирически пожелать краснокамским бумажникам производственных успе.., как классически белая бумага вновь стала серой!..

Не обошлось без довольно пикантных новогодних сюрпризов и на других химических предприятиях. Бумага, эта терпеливая, кроткая, всепрощающая материя, вдруг словно взбунтовалась! Фигурально закусив удила, она выкидывала фантастические штучки-дрючки. То вставала на дыбы, когда товарищ Марткович, отвечающий за поставки аммиачной воды на КЦБК, писал служебную записку о ритмичности производства. То рвалась со страшным треском под перьями командиров, отвечающих за производство и доставку каустика для нужд Камского комбината. То вообще вдруг исчезла из канцелярской циркуляции!

Этот зловещий факт наблюдался под новогоднюю ночь на щекинском заводе «Кислотоупор». На том самом, что занят поставками кислотоупорной плитки все тому же Камскому комбинату...

Но и здесь новогодние злоключения с бумагой не кончились. Весть о них дошла до крокодильских фельетонистов, которые, по знаменательному совпадению, находились в Бумажном проезде, в Москве. После зрелого рассуждения шефы комбината решили отместь всяческий мистицизм и дать небывальщине, приключившейся с бумагой, трезвый сатирический анализ.

Скажем, эпизод с товарищем Формозовым, руководителем канифольного форпоста. Ну, при чем тут святочные превращения, если вверенное тов. Формозову предприятие недодало нашему комбинату в истекшем году почти 500 тонн канифоли? И всегда все написанное на бумаге будет расплываться ужасными пятнами, если в бумагу недовкладывать канифоль.

А товарищ Безгодов? Да во веки веков суждено ему пользоваться серой бумагой, коли он не будет вовремя поставлять бумажному производству соду и хлор, необходимые для отбеливания...

А щекинцы! Помилуйте, какая же вообще бумага, если при отсутствии кислотоупорной плитки выйдет из строя варочный комплекс на КЦБК... И так далее, и так далее, и так далее.

И уж взяли мы сами в руки перышко, и уже запорхало оно по бумаге, разя привычные объекты сатиры — безответственных хозяйственников, ставящих палки в колеса бумажной индустрии, но тут с неподдельным ужасом увидели, как бумага вдруг... покраснела!

«Свят, свят, свят!» — невольно пробормотали мы и протерли глаза. Никакого результата: колер бумаги оставался прежним. И тогда мы поняли, что произошло в канун нового хозяйственного года. У бумаги лопнуло наконец терпение! У той самой бумаги, про которую говорят, что она все стерпит.

Впрочем, только мы собрались анализировать этот феномен подробней, как получили новогоднее письмо от подшефных. Вот как оно начиналось:

«Дорогие шефы! Обращаемся к вам с воплем о помощи в деле обеспечения комбината лесом. Положение сложилось, можно признать, катастрофическое... Только объединение «Удмуртлес» недопоставило тридцать пять тысяч кубометров технологической щепы...»

Ага, решили мы, вот прекрасный конкретный повод для анализа дел именно на месте, именно в так называемой глубинке. И один из посланцев редакции быстренько направился по леспромхозам «Удмуртлеса». Откуда привез отчет, приводимый нами без особых беллетристических облагораживаний:

Балезинский леспромхоз, где директором тов. Вознесенский И. В., работает на привозной древесине, которую должны поставлять «Кировлес» и Вижайский леспромхоз. Увы, ни тот и ни другой не поставляют ни щепки! Запаса древесины нет как нет, поэтому лесопильные цеха стоят намертво. На вопрос, известно ли директору леспромхоза, когда подшефному комбинату будет отгружена щепа, директор ответил, что неизвестно.

В Ярском леспромхозе обрадовал директор тов. Шпилевский А. В. Щепа будет поставлена полностью, а возможно, и сверх того! Одна беда: вывозка идет на автомашинах по бездорожью. Правда, строится железнодорожная ветка для переброски леса с Ярского леспромхоза на Балезинский леспромхоз. Однако войдет ли она в строй, это бабка надвое сказала. Поэтому директор все-таки с точностью не знает, какое положение будет с древесиной в 1980 году...

На Можгинском лесопильно-мебельном комбинате огорчил директор тов. Рейф В. А. Не без некоторого надрыва он сообщил, что рубка идет в старых лесосеках, в которых ранее вырубили «хвою», и теперь там остались одни лиственные породы. Запаса древесины нет.

В Увинском домостроительном комбинате (директор тов. Зубарев В. Ф.) запаса древесины на нижнем складе нет. Заготовка и вывозка идет в старых лесосеках. Сто тысяч кубометров должен поставить Вижайский леспромхоз, однако в декабре поставил только около шестидесяти... Далее мы не воспроизводим печатно то, что добавил тов. Зубарев устно о Вижайском хозяйстве.

В объединении «Удмуртлес» нашего посланца встретил заместитель генерального директора тов. Хомяков Б. С. Он сказал:

— В ближайшее время увеличения поставки в целом по объединению не будет. Почему? А потому, что нас обязали заготовить и отправить сто тысяч кубометров дров топливных, которые ранее шли в переработку на технологическую щепу. Вы спрашиваете, где генеральный директор Мяснянкин К. Б.? Он вылетел в Москву. Зачем? По вопросу снятия с нас хотя бы половины дров!

— Что же будет в результате этой знаменательной поездки?

— Если она увенчается успехом,— ответил тов. Хомяков,— то, возможно, количество щепы увеличится... Но с точностью это неизвестно.

На этом представитель редакции отбыл в Пермь. Конечно же, в Пермлеспром, который в прошлом году недопоставил нашим подшефным как по сплаву, так и по железной дороге около полутораста тысяч кубометров сырья!

— Верно,— сказали нам,— мы много кой-чего недопоставили камским бумажникам. Но как же поставишь полностью, если развитие строительной базы Союзлесстроя никуда не годится? Если нам не хватает капвложений на лесозаготовки?

— А если вдарить по делу механизмами? — выдвинули мы идею.— За счет технического прогресса?

— А знаете ли вы,— ответствовали нам,— что лесозаготовительной технике объединению выделяют катастрофически мало? Количество трелевочных тракторов в объединении за последние восемь лет уменьшилось на тысячу с лишним единиц, лесовозных автомобилей — почти на триста штук...

Терпеливо выслушав все эти сетования, мы окончательно убедились в том, что необыкновенные бумажные приключения, в сущности, вполне естественны.

Пермская область.

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. Если вопрос о поставках Камскому комбинату канифоли, соды, хлора и других химических материалов журнал ставит впервые, то о балансах и технологической щепе мы уже читателю, как говорится, все уши прожужжали. В частности, о сырьевых бедах комбината шел разговор в третьем номере «Крокодила» за этот год. В фельетоне «Кому бревна таскать» мы покритиковали «Союзглавлес», отдел лесной и целлюлозно-бумажной промышленности Госплана СССР и нашего постоянного именинника — Пермлеспром. С тех пор минуло полтора месяца. Мы верстаем этот номер и одновременно заглядываем в почтовые мешки — нет ли в них долгожданных ответов от затронутых в фельетоне организаций.

Увы, пока получен ответ только от заместителя начальника Пермлеспрома тов. В. Плашкина. Он, конечно же, перечисляет трудности, беспрерывно обрушивающиеся на объединение.

В связи с этим хочется заметить: а не лучше ли Пермлеспрому изыскивать внутренние резервы собственного производства! И сделать все зависящее от него, чтобы Камский комбинат в один мало прекрасный момент не остановился!

А момент этот близок.

ТРИ РАССКАЗА ПРО ЛЮБОВЬ

Николай МАЛОВ

Встреча

Они встретились в условленное время под часами.

— Я видел вас в работе,— начал он первым.— Вы мне очень понравились.

— Вы тоже произвели на меня впечатление,— призналась она,— особенно во время работы.

Их взгляды встретились. Они улыбнулись друг другу. Он протянул ей букетик гвоздик.

— Размер воротничка сорок два,— после непродолжительного молчания прошептал он робко.

— Осетровый бок горячего копчения,— стесняясь, сказала она.

— Цвет голубой,— добавил он.

— Поближе к голове,— уточнила она.

Помолчали.

— Можно и свежей рыбки,— посмелев, продолжила она.

— Хорошо бы югославские ботинки,— сказал он.

— Желательно карпа, — разоткровенничалась она.

—Я бы предпочел не клеёные, а прошитые,— заметил он.

Снова улыбнулись друг другу.

— Очень приятно было познакомиться,— сказали они в один голос.— До завтра.

— Да, чуть было не забыл,— опомнился он. — Меня зовут Сережа.

— А я Лена.

И они разошлись. Она направилась к себе. Он пошел своей дорогой. Она работала в универмаге. Он трудился в магазине «Океан». Между ними, кажется, созревало большое и прекрасное чувство.

г. Москва.

Борис РЯБЕНЬКИЙ

Крепкая семья

Они познакомились в самолете: Вера — солистка хора областной филармонии и Николай — работник отдела снабжения. Летели в крупный уральский город. Она — на гастроли, он — пробивать стальной лист для родного завода.

Все три часа полета молодые люди вели оживленную беседу и, подлетая к месту назначения, уже знали, что оба живут в одном городе, в браке не состоят, причем Вера имеет квартиру в ЖСК.

Вечером Николай слушал Веру на концерте и, когда концерт окончился, пошел с цветами за кулисы. Потом они долго бродили по ночным улицам. Назавтра Николай сделал Вере предложение, которое было принято без колебаний, и улетел домой.

Свадьба была пышная. Присутствовал отдел снабжения в полном составе, хор и оркестр филармонии. Артисты пели, снабженцы пили и провозносили остроумные, преимущественно кавказские тосты.

Молодым дали три дня за свой счет. На четвертый Вера улетела догонять свой хор в Молдавию, а Николай уехал за точным литьем в Запорожье.

Встретились через пять месяцев в привокзальном ресторане Харькова. Пообедали вместе.

— Что у тебя в этом свертке? — спросила Вера.

— Здесь пятьсот тонн проката. Разумеется, не пойми буквально. В коробке набор лака для ногтей. Двенадцать цветов. При определенных обстоятельствах из лака получается прокат.

— А то, что мне ногти нечем красить, тебя совсем не волнует?

— Дорогая, в другой раз. Без этой коробки производство остановится.

— Уступи хоть шесть цветов. Двести пятьдесят тонн тоже внушительная цифра.

— Бери и прощай. Мой поезд прибывает.

Расцеловались, сокрушенно вздохнули, что отпуска в разное время, и разъехались.

Через три года он стал ее забывать.

На десятилетие супружеской жизни Николай вымолил командировку в Кисловодск, где в это время пела Вера.

В номере гостиницы выпили шампанского, достали групповое свадебное фото, и Вера трогательно произнесла:

— Смотри, дорогой, какие мы здесь симпатичные. Кстати, Старостин, вот этот кучерявый, с крашеной бородкой, опять ушел к первой жене, Хохряковы — крайние слева во втором ряду — развелись лет пять тому назад, а Клюева Верочка — вон та, в седом парике — отбила мужа у Нади Бяковской. Отца троих детей, представляешь? А у нас все о'кей, правда?— сказала Вера и поцеловала мужа в редеющую шевелюру.

— Верочка, у нас есть дети?— поинтересовался Николай.

— Господь с тобой, от кого?

На серебряную свадьбу пришло много гостей. Опять кричали «горько», Вера и Николай целовались, а гости под пьяный смех считали поцелуи.

На пенсию вышли вместе. Утром в первый день пенсионной эры встали поздно.

— Вот и начинается наш медовый месяц,— мечтательно произнесла она...

г. Минск.

— Безобразие! Через два часа у меня свидание с другой, а эта еще не пришла...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Татьяна АНДРЕЕВА

Антикварная редкость

Двое шли по городу и разговаривали.

— У тебя рука холодная,— говорил он.

— А у тебя — горячая,— отвечала она.

— У тебя снег на ресницах,— говорил он.— И не тает.

— Где? — удивилась она и остановилась у киоска, заглядывая в стеклянную витрину, как в зеркало.— Где? Я не вижу...

— Во-он,— ткнул пальцем в стекло.— Ты ресницами махни, снег посыплется, и сразу увидишь. Вот так. Надо же, целый сугроб! У тебя не ресницы, а антикварная редкость...

За их спинами у киоска остановились еще двое — оба в шляпах, в очках и с портфелями.

— Слышал, редкость... И народу никого. Может, глянем?

— Да ну, у меня денег всего два рубля. Расстраиваться только.

— Ничего, у меня есть, премию заначил. Граждане, вы стоите?

Они оглянулись с удивлением.

— Стоим,— сказал он.

— А что, нельзя?— сказала она.

— Нет, пожалуйста,— двое в шляпах пристроились рядом.— Мы за вами. Что там за редкость?

— Антикварная,— неприветливо отозвался он.— Вам такая и во сне не снилась.

Подошел еще кто-то в клетчатом:

— Что дают?

Двое в шляпах блеснули очками:

— Мы последние.

— Дефицит?— заинтересовался клетчатый.— Почем?

— Не знаем. Видите, продавца еще нет.

Подошли три дамы в макси-шубах и одна женщина с хозяйственной сумкой.

— Кто последний? Гражданин, вы стоите?

— Стою,— клетчатый беспокойно топтался на месте.— Я вообще-то стою, но сейчас отойду на минутку за деньгами, а вы в случае чего скажите, что я здесь стою.

— За чем толпа?— подошла группа веселых молодых людей.— Апельсины? Сапоги? Хемингуэй?

Очередь стремительно росла. В самом конце ее ссорились на тему «вас тут не стояло». В середине солидно обсуждали, хватит или не хватит, и если хватит, то по скольку в одни руки будут давать. В самом начале, уткнувшись носом в стекло, стояли двое и разговаривали.

— У тебя глаза синие,— говорил он.

— А у тебя — серые,— отвечала она.

— Ну, тогда пойдем в кино,— предложил он.

— Пойдем,— согласилась она.

Двое повернулись и ушли. Очередь обрадовалась. Вдоль нее шел доброволец с зычным голосом и ставил каждому на ладони порядковый номер зеленым фломастером.

— На двоих меньше стало,— сказал он.— Сразу жизнь веселей пошла.

г. Орел.

СТРЕСС по-научному

А. ВИХРЕВ, специальный корреспондент Крокодила

До того, как со мной случилось это самое (см. ниже), я тоже не верил, что такое может быть. Как и вы, я думал, что стрессы происходят только на драматической почве. Так и оставался бы до сих пор в недоумении, если б не нашел в одной научной статье вот это:

«...Причиной стресса могут быть не только печальные жизненные ситуации. Его могут вызвать и положительные явления: повышение в должности, увеличение зарплаты, сообщение об отпуске, наступление праздников. Так что поводов опасаться чрезмерного всплеска эмоций больше, чем мы думаем».

А от стрессовых ситуаций, говорилось дальше в статье, возникают атеросклерозы, тромбозы и т. п., не считая разных нервных явлений.

Короче говоря: для здоровья лучше, если все идет привычным порядком, без особых ужасов или восторгов.

И хотя, повторяю, до этой статьи я о «положительном стрессе» и не подозревал, срабатывала интуиция. Садясь, например, в поезд, я припоминал свой опыт близкого знакомства с железнодорожным сервисом. Когда через невидные щели врывалась в купе самая настоящая метелица и наметала на постелях натуральные сугробики; когда радио либо не включалось вовсе, либо вовсе не выключалось и раскатистым грохотом глушило даже перебранку проводников; когда один туалет был заперт навсегда, а другой всю дорогу закрыт на ремонт... ну, и так далее.

Соединяя все эти мрачноватые картины в одно устрашающее целое, я тем самым вооружался стоической готовностью к любым превратностям вагонного бытия, которые для душ чувствительной и ранимой наверняка означали бы стрессовую ситуацию.

В таком отмобилизованном состоянии, с чемоданом в левой руке, билетом в правой и портфелем в зубах ввалился я из метельной мглы златоустовского перрона в вагон фирменного поезда «Южный Урал».

Голосок у проводницы музыкальный:

— Не торопитесь, товарищи пассажиры, спокойно занимайте свои места...

Меццо-сопрано, понимаете... Нет бы попросту, по-привычному: «Ну куда, куда прете? Офонарели, да?» — так мы с ней быстренько нашли бы общий язык. Скоренько разобрались бы, кто есть кто. А при такой нахрапистой деликатности остается, конечно, держать язык за зубами.

— Гражданин, ваше купе четвертое... Пожалуйста, будьте любезны...

Ах, ах, гран мерси! Сам вижу, не маленький... Ну, поехали... Но что же все-таки с ней, с проводницей? Не иначе «Москвича» в лотерею выиграла...

— Будете чай пить? Не беспокойтесь, я принесу. Конфеты, пожалуйста, печенье...

Издевается? Или просто так выкаблучивается, от нечего делать? Ну, ладно, посмотрим...

А чай, между нами, превосходный. Как дома. Даже лучше. Давно не пивал такого.

— А мы,— объясняет проводница,— сами нашли пропорцию, в которой смешиваем разные сорта, вот и получается...

Ощущаю нервный тик. Левое веко тикает, то есть дергает. И я понимаю, отчего. Цветочек в вазочке на белоснежной салфеточке, чистые ковровые дорожки, исправное освещение, вкрадчиво мурлыкающее радио. Вся эта утонченная роскошь, понимаю я, вступает в жестокий конфликт с моей боевой настроенностью на совсем другую, крутую и неласковую волну.

Стук в дверь, и на пороге купе возникает прелестное юное создание в изящной и строгой форме — ни дать ни взять стюардесса международных авиалиний.

— Хау ду ю ду,— смятенно бормочу я.

— Здравствуйте,— приветливо откликается она.— Пожалуйста, свежие газеты и журналы.

«Ни шагу назад!» — говорю я себе и тут же наношу ответный удар:

— Так и знал, что книг у вас нету.

Стюардесса дерзко улыбается.

— Не угадали. Сейчас буду продавать книги. Между прочим, есть Достоевский, Некрасов, Шолохов. А как вы относитесь к Просперу Мериме?

«Положительно»,— хочу ответить, но тут — стресс! — отнимается моя правая нога.

Небесное создание исчезает, а я, стиснув зубы, вызываю проводницу.

— Забыл, понимаете, взять с собой мыло,— говорю беспечно, но с тайной надеждой на невыполнимость просьбы.— Конечно, мыло вашими правилами не предусмотрено, но все же отвечайте — как быть пассажиру в таком случае?

— Почему не предусмотрено? — искренне удивляется она.— Не только мыло, но и зубную щетку, пасту, одеколон вы можете приобрести в нашем уголке парфюмерии. Кроме того, мыло всегда имеется и в туалете. Пожалуйста...

Бац! Напрочь отнялась левая рука. Ну, думаю, теперь задержать губительное развитие стресса может только старый добрый скандал.

— Вы мне тут мылом очки не втирайте! — кричу на весь вагон.— Охмели, понимаете! А может, у меня носок по шву лопнул! А может, у меня пуговица от майки отлетела! А может, у вас электричество кончится и тогда электробритвой не побреешься! Никакой,— кричу,— помощи попавшему в беду пассажиру! Давайте сюда жалобную книгу!

Вижу: побледнела проводница. Переживает. Ну, чувствую, сейчас начнется! Даже веко стало поменьше тикать, то есть дергать...

— Не волнуйтесь, гражданин,— говорит она сдержанно.— В наших бытовых уголках в любое время есть иголки, нитки, пуговицы, лезвия для бритья. Можете произвести мелкий ремонт одежды и дорожных вещей. Спасибо за внимание.

Жах! Отнялась правая рука. Теперь отчет о командировке левой ногой писать придется. Нет, говорю себе, буду держаться до последнего. Ну, не может же в самом деле такого безупречного сервиса быть! Надо в нем только слабину найти.

— Ты мне иголками-нитками рот не зашьешь! — собрав остатки наглости, рычу проводнице.— Ты мне лучше скажи — что делать, если бы я с малым дитём ехал? Если бы ему поиграть захотелось? Что, скажешь, из дому игрушки брать, да? Во-во, от вас только такого и дождешься. Зарвались, понимаете! Ни стыда, ни совести! Не надо мне жалобной книги, я прямо вашему министру напишу! Давай,— кричу,— адрес, куда ему писать!

Смотрю, совсем она побледнела... Ах, думаю, ну, гавкни же на меня, ну, врежь мне хамским словом! Сразу все тромбозы-склерозы как рукой снимет!

— Успокойтесь, гражданин,— слабым голосом говорит она.— Если бы с вами был ребенок, вы могли бы воспользоваться детским уголком в соседнем вагоне. Там можно занять его разнообразными играми, приобрести для него игрушку... Желаю вам приятного путешествия...

Тут стресс доделал свое дело: у меня отнялась левая нога. Единственное, чем я мог еще шевелить, это языком. И я грустно сказал:

— Посмотрите, женщина, что вы натворили. Своим ненормальным, ненатуральным сервисом вы превратили здорового человека в инвалида. Организм, многолетие адаптированный к обычному суровому обслуживанию, не может противостоять тепличным условиям вашего поезда. Весьма сожалею, но вам придется отвечать за это варварское отношение к беззащитному пассажиру. Впрочем, вы ведь, как водится, откажетесь назвать свою фамилию, не так ли?

— Отчего же,— ответила она,— извольте: Дроздецкая Галина Петровна, ударник коммунистического труда. Конечно, обидно, что все так нелепо получилось, но войдите и в мое положение: не могла же я нарушить наш принцип. А он состоит в том, что только заботливое и безотказное обслуживание как раз и является нормальным и естественным. Вы понимаете?

Нет, я не понимал. Во мне еще раз что-то стресснуло, и нижняя челюсть моя отвисла...

* * *

...И в эту секунду из репродуктора громыхнуло спасительное:

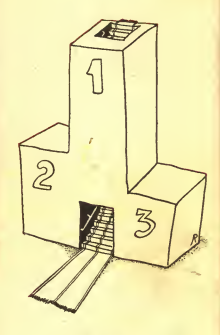
— Уважаемые пассажиры, наш поезд запаздывает с прибытием в Москву на полтора часа...

И в тот же миг — стресса как не бывало!

Так что руки-ноги и язык у меня опять двигаются, как обычно. Готов ехать в очередную командировку.

Даже на поезде «Южный Урал».

Златоуст — Москва

Леон РОХИН (г. Сыктывкар)

Сергей ТРАЙКОВ (Болгария)

Соревнование по прыжкам в воду с вышки продолжалось уже полчаса. Постепенно определились фавориты, наметились новые достижения.

Севдалин Маринов оторвался от доски с намерением сделать двойное переднее сальто с тройным винтом и полуоборотом, но во время первого сальто его остановил умоляющий голос:

— Задержитесь так на секунду!

Севдалин Маринов задержался и взглянул вниз. Какой-то фоторепортер направил на него фотоаппарат и приготовился снимать.

— Поскорее, у меня нет времени! — поторопил его Маринов.

Фоторепортер навел объектив и нажал на спуск.

— Осечка! — отчаянно закричал он.

Севдалин Маринов рассердился и стал делать винт с полуоборотом.

— Остановитесь, прошу вас! — крикнул фоторепортер.— В вечернюю газету нужен снимок. Очень срочно!

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

крокодильская международная газета

ЛЮДИ НА ЭКСПОРТ

Пекинские власти болезненно ощущают острую финансовую недостаточность. В их казне свистит ветер с Востока. Ему хотят противопоставить валюту с Запада. Западная валюта потребна на закупки военного снаряжения с той же стороны света. Но где взять валюту?

Значит, надо чем-то торговать, что-то продавать. Но что? Чего много в бывшей Поднебесной империи? Прежде всего воздуха. Однако никто не купит пекинскую атмосферу, припахивающую душком маоизма, даже расфасованную в яркие консервные банки.

Еще чего много? Людей. Вот это уже другое дело. На дешевый живой товар имеется спрос. Покупатели прямо-таки наседают. Впереди всех оказались закупщики из японских строительных фирм — «Тайсей» и «Фуджита корпорейшн». Они повезут китайскую рабочую силу на Ближний Восток. За японцами поспешает «Италстат» — итальянская строительная компания, французские и американские фирмы.

Не волнуйтесь, господа бизнесмены, товара хватит на всех — десять миллионов безработных прозябают только в китайских городах. Цены доступные — 300—400 долларов за пару китайских рук ежемесячно. На первый взгляд зарплата щедрая. Но только на первый. Тут маленький китайский фокус,— деньги получает не тот, кто трудится, а пекинские негоцианты, торговцы живым товаром. Зарплату забирает КСИК — «Китайская строительно-инженерная корпорация». А КСИК знает правила деления — сколько оставить экспортным батракам на горстку риса и сколько передать генералам — на закупку оружия.

— Надеюсь, этот экспорт окажется прибыльным.
— Вот и отлично, это даст нам возможность наладить импорт ракет.

Рисунок Херлуфа БИДСТРУПА (Дания)

Нежеланные женщины

Известно, что женщин любят везде. На материках и островах, на севере и на юге женский пол чтут. Бравые мужчины весело распевают свое немеркнущее кредо: «Без женщин жить нельзя на свете, нет!»

Обожают этот изящный рефрен и власти Западной Германии. Например, в одном баварском учреждении женщину не приняли на работу исключительно из благородных побуждений.

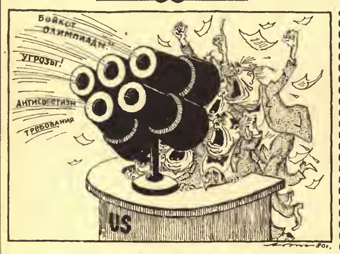
— Вы абсолютно то, что нам надо, милая,— сказали ей.— но, понимаете, работа в ночную смену несовместима с вашей безопасностью. Ну как бы это выразиться почетче?.. Фрау не должна рисковать своей репутацией в сложных условиях ночной смены. А дневной работы у нас нет. Ферштейн?

В одном из штандесамтов, то бишь, по-нашему — загсов земли Шлезвиг-Гольштейн предпочли взять на должность регистратора малоквалифицированного мужчину, хотя одновременно претендовала на это место дипломированная, знающая женщина.

— Ах, фрейлен настолько хороша, что администрация просто боится за новобрачных. Жених — народ ненадежный, вдруг какой-нибудь возьмет, да и приволокнется за такой очаровательной регистраторшей. Будет скандал. Так что, увы, поймите нас правильно...

Правда, некоторые желчные личности утверждают, будто под засахаренными отказами скрывается самая обычная дискриминация женщин в ФРГ. Женщины, как известно, порою не являются на работу по целым дням, а то и месяцам, что связано с их естественными материнскими делами, а хозяевам предприятий от этого одна морока и недополучение прибыли.

В общем, если без женщин прожить боссам ФРГ, наверное, трудно, то без прибылей — иначе невозможно.

Им безразличны виды спорта,
У них другие тренажи.
Их цель одна — побить рекорды
Любой антисоветской лжи.

Стихи С. МИХАЛКОВА Рисунок М. АБРАМОВА

Новости науки

ВАМПИРЫ И «ЦЕНТР»

Проснувшись в одно светлое утро, мисс Миллер из Чикаго обнаружила на своем теле розоватый след от укуса. О нет, мисс Миллер вовсе не бросилась перебирать подушки в поисках клопов, как это сделала бы любая недогадливая домохозяйка. Она сразу смекнула: это работа вампиров. Правда, мисс Миллер малость сдрейфила, но в крайнее отчаяние не пришла: все-таки она живет не в эпоху темного средневековья, а в наше время и благодаря науке не отдана на произвол кровожадным тварям. Она давно знала, что в Чикаго существует специальный «Американский центр по исследованию вампиризма», и потому храбрая мисс Миллер немедленно обратилась туда за помощью.

Разумеется, есть и скептики, сующие палки в колеса науки. Они утверждают, будто «центр» просто дурачит недалеких суеверных людей, выдавая за «вампиров» клопов, комаров, пиявок и мух. Может быть, это и так, если не считать самого «центра», который сам весьма реально выполняет роль вампира, энергично присосавшись к карманам своих легковерных клиентов.

ВТОРОСОРТНЫЙ ТОВАР

Американская газета «Интернэшнл геральд трибюн» высказалась по двум делам сразу:

«Нынешние кандидаты в президенты США очень похожи на сорта американского пива: они все почти одинаковы, в достаточной мере водянисты и образуют слишком уж много пены».

Согласитесь: весьма нелестная оценка американского пива...

Уголок уголовщины

НЕ ПО СЦЕНАРИЮ

Когда актеры отходят от сценария и начинают нести отсебятину, некоторые нервные режиссеры настолько стервенеют, что даже открывают пальбу по исполнителям...

Ричард Шрек — не режиссер, а просто бедный американец, который решил быстро разбогатеть. В самом деле, если богатеть, то чего тянуть? Но так как сам он не мог придумать способа скоростного обогащения, то стал пристально смотреть гангстерские телефильмы. Как учебные пособия.

И не ошибся — в телесерии «Полицейская история» он засек вполне инструктивную сценку ограбления ресторанчика. Ричард даже срисовал в блокнот для памяти схему — где кухня, где столики, где касса, кто куда входит и выходит. Потом он долго бродил по Нью-Йорку и наконец нашел уютную обжорку «Анджелла», удивительно смахивающую по планировке на экранное заведение...

Он стал завсегдатаем «Анджеллы» — жевал, глазел, уточнял свой сценарий. И вот в один прекрасный вечер зарядил дешевый револьверишко и отправился на дело.

Пришел. Сел. Заказал. Но тут все пошло наперекосяк, выбилось из сценарного русла. Официантку Паулину Кейн дожидался муж, персонаж, сценарием совершенно не предусмотренный. А хозяевам заведения Биллу и Анджелле Лавелло почему-то вздумалось до полуночи пересчитывать выручку и скрести пером в своем бухгалтерском талмуде.

Вот тут-то Ричард Шрек и остервенел, как режиссер, возмущенный актерской отсебятиной. Он выхватил револьвер и уложил всех четверых. Только муж официантки выжил и описал внешность Шрека. Убийцу поймали и осудили.

Всю эту драму правильно отрецензировал судья Патрик Тамилла. Он сказал так: «Каждый раз, когда я вижу сцену насилия по телевидению, я знаю, что через несколько дней буду рассматривать в суде аналогичное дело. И всегда так оно и получается».

Но кого Патрику Тамилле никогда не доведется отправить в каталажку, так это главных преступников — хозяев телевизионных компаний. Они так много зарабатывают на пропаганде преступлений, что практически недосягаемы для американской юстиции.

Татьяна ШАБАШОВА

Вашингтонская администрация заставляет иностранных участников международных научных конференций, проводимых в США, давать подписку о неразглашении услышанных сведений ученым социалистических стран. Это дикое распоряжение тем более смехотворно, что на конференциях обсуждаются материалы, ранее опубликованные в научных журналах.

СТРАШНАЯ ТАЙНА

Лингвисты входили гуськом так тихо, как не влетел бы мотылек. По ковру, крадучись, в специально изготовленной для участников научной конференции войлочной обуви приближался каждый к своему креслу, погружая в него тыловую часть своего торса,— со всеми предосторожностями, чтобы не скрипнуть, не произвести никакого шороха...

И тем не менее благородное лицо председателя — профессора Бэсли Голдуиски, крупнейшей величины в лингвистическом мире США, выражало страдание.

— Господа, умоляю вас, тише! — шептал Голдуиски.— Во имя всего святого, тсс!..

Входящие торопливо обвязывали рты специально изготовленными для участников научной конференции фланелевыми звуконепроницаемыми подгузниками.

Бэсли Голдуиски жестом пригласил ассистентов.

В зал на цыпочках вошло несколько фигур с лицами, скрытыми за специальными устройствами, напоминавшими маску хоккейного вратаря.

— Собрать подписки! — скомандовал председатель. И ассистенты двинулись по рядам, отбирая у каждого делегата бумажку, на которой симпатическими чернилами было написано:

Я, такой-то (должность, ученое звание, возраст, семейное положение, вероисповедание), клянусь, как на страшном суде, что ни под дулом револьвера, ни под каким видом, ни в земной, ни в загробной жизни, не открою представителю враждебного лагеря того, что я здесь слышал, говорил или думал. Я клянусь, что никакая сила не вырвет у меня признания в том, что происходило на заседаниях научной конференции. Иначе...

И далее следовал призыв на свою голову страшных кар и напастей — от варки в кипящей смоле до жарки на адской сковородке, включая укус сколопендры, лишай, холеру, язву и гонконгский грипп с осложнениями — и все это на случай, если слабый язык нижеподписавшегося не удержит доверенных ему тайн.

Щелкнули двери пуленепробиваемого сейфа, куда Главный ассистент убрал стопку подписок. Председатель вступил на кафедру и зашептал свистящим сатанинским шепотом:

— Темой настоящего заседания является важнейший раздел русской и соответственно советской грамматики — пунктуация. Сегодня мы заострим внимание на одном из наиболее распространенных в русском письме знаке...— профессор понизил голос до ультразвука,—знаке, носящем название «за-пя-тая».

Лингвисты сосредоточенно записывали. Голдуиски продолжал:

— Представляемый мной на рассмотрение уважаемому собранию знак «запятая» изображается в виде нежирной точки с небольшим хвостиком, опущенным вниз. Хочу подчеркнуть, что этот опущенный хвостик не является привилегией русско-советской пунктуации, его можно встретить и в письменности других народов, в частности народов Соединенных Штатов Америки. Но у русских она несет гораздо большую угрозу... то есть, я хотел сказать, нагрузку, чем в других языках.

— Позволю себе перебить вас, коллега,— зашевелился в кресле старейший респектабельный синтаксист-запятолог.— Я хотел бы спросить, не напрасны ли наши усилия скрыть... э-э... так сказать, функции предмета нашего обсуждения... а именно э-э... запятой. Боюсь, что для русских это не является секретом. Во время одного из посещений Москвы мне удалось услышать — и отнюдь не от специалистов — формулу «точка, точка, запятая». Не кажется ли вам, что излишняя конспирация...

— Какая политическая близорукость! — всплеснул руками профессор Бэсли.— Стыдно, коллега! Я не знаю и не хочу знать, что известно русским и прочим марксистам, но сегодня вы разгласите функцию запятой, а завтра ваш неуправляемый язык разболтает устройство межконтинентальной суперракеты!

Пристыженный синтаксист смутился. И все поняли, что он осознал свою ошибку и постарается исправиться.

— Итак,— продолжал Бэсли Голдуиски,— советская запятая ставится...— профессорское лицо опять приняло озабоченное выражение, брови вознеслись ввысь.— Упаси вас боже, коллеги, разгласить то, что я сейчас вам сообщу!

Коллеги обратились в слух.

— Запятая,— проговорил профессор, делая ударение на каждом слове,— запятая в русском языке ставится перед «как», перед «который» и перед «но»...

В это мгновение какой-то подозрительный посторонний звук нарушил деловую тишину конференции. Будто скрипнула дверь или пискнул грызун...

— Прячьте блокноты! — скомандовал нерастерявшийся Голдуиски.— Глотайте конспекты!!!

Все принялись жадно жевать записи.

К счастью, тревога оказалась ложной. Это чихнул ассистент, в маске которого забарахлил глушитель, а звук «А-а-пчхи!», сконцентрировавшись в носовой части маски, исказился настолько, что не на шутку напугал представительное собрание. Но, подчеркнем, это был благородный испуг! Не за себя перепугались лингвисты, а за ту ценнейшую сверхсекретную информацию, которая игрой злого случая могла бы просочиться за стены зала, хотя они были оборудованы звукопоглощающими матрацами из овечьей шерсти...

Американская военщина проявляет зловещую активность по сколачиванию новых и «ремонту» старых блоков.

Подъемный механизм — Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Невзирая на продолжение массовых репрессий в Чили, Запад оказывает щедрую финансовую поддержку фашистскому режиму Пиночета.

Пиночет: — Сегодня допрос заключенных начнем позже! Видите, у меня руки заняты.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

«Театр начинается с вешалки»,— говорил Константин Сергеевич Станиславский товарищу по работе Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко. Впрочем, это знали все работники его системы.

Стою в очереди к этой самой вешалке. На одной руке — мое демисезонное, на другой — женина цигейка. Стою. Жду, когда театр начнется.

Тут один элегантный мужчина, в заграничном костюме, без очереди полез. А я, между прочим, очень этого не люблю. Особенно в театре.

Поймал я его за полу и говорю вежливо:

— Куда это вы, гражданин, лезете?—А сам гордо на жену гляжу, мол, вот какой я находчивый.

Гражданин улыбнулся золотыми зубами (золота у него во рту, как у скупого рыцаря в сундуке) и говорит:

— Извините, но мне только пальто сдать!

Я от неожиданности пиджак выпустил и рот разинул. Пока рот закрывал, нахал этот пальто сдал и номерок получил.

— Дурак,— сказала мне жена театральным шепотом. Кто не знает, тем поясню: театральный шепот — это когда актер говорит одному, а слышно всему залу. Вся очередь и услышала. И кто впереди и кто за нами. И все поглядели на меня. Одни улыбнулись. Другие даже засмеялись.

Вот, думаю, и театр начался.

Подошла наша очередь. Бабуся-гардеробщица говорит:

— Бинокль возьмите! Тридцать копеек!

— Спасибо,— говорю.— У меня пятый ряд и зрение отличное.

— С биноклем,— настаивает бабуся,— без очереди оденетесь.

— Как без очереди? Значит, у кого нога болит, тот в очередь, а у кого бинокль — тому пожалте?! Ну-у театр!

А бабуся спрашивает:

— Это у вас что?

— Шапка,— говорю.

— Какого меха?

— Ондатра,— говорю.— Старенькая уже.

— Неважно, что старенькая. Из ондатры не принимаем.

Не стал я с бабкой пререкаться, сунул шапку в портфель. Жена свою лисью туда же.

Уселись. Стали программку просматривать. Видим: действующих лиц — два. Исполнителей и того меньше — один.

Мало этого: занавеса нет. Декораций нет. Задника нет. На сцене кирпичная стена. На ней пожарная лестница и два огнетушителя. И надпись

Е. ГУРОВ

ВО-О ТЕАТР!

«Не курить!». А для зарубежных гастролеров «Но смокинг!» и «Раухен ферботен!».

А пьеса, надо сказать, проблемная. Есть даже острые моменты, хотя и на средневековом материале.

Да. Уж если перечислять, чего нет, так костюмов тоже нет. Играет этот единственный актер в современных пиджаках.

Спасибо, еще актер расторопный. Скажет монолог отца — и за кулисы.

Через минуту он уже снова на сцене. Пиджак сменил. Парик сменил. Голос и походку тоже. Сына играет.

Кончился спектакль. Актер кланяться вышел: парик отцовский, пиджак сыновний, пот градом.

Когда я перечислял, чего не было, забыл сказать: антракта тоже не было.

Впрочем, думаю, если театр начинается с вешалки, то и кончаться там должен.

Двинулись мы в гардероб. Ну, думаю, сейчас опять театр будет.

Сначала из зала тех выпустили, у которых места похуже, ну и к дверям поближе. Это, я считаю, справедливо. Минут через двадцать и мы пошли.

Встали в очередь. Все просто так стоят, а я нахала жду с золотыми зубами.

Вижу, идет. Конечно, опять полез без очереди. Хватаю опять за пиджак и вежливо, но остроумно спрашиваю:

— Вы что,— говорю,— с биноклем?

А он улыбнулся шире прежнего:

— Нет,— говорит,— я один. Мне только пальто получить!

И опять я от такого нахальства рот разинул и пиджак выпустил. А жена меня театральным шепотом...

Ну и театр!

Гляжу, у тех, что с биноклями, своя очередь. Все, как у нас. И даже свой нахал. Правда, не молодой, не модный и не зубастый...

Стоит этот пожилой нахал и перед собой, на виду, держит бинокль. Довольно, я бы сказал, крупный. С таким не в храм искусства ходить, а на театре военных действий командовать. Отдал он бабусе номерок. Пальто взял. Бинокль стал в карман запихивать. Граждане заволновались. А один, похоже, доцент, говорит:

— Куда же это вы казенный оптический прибор суете?!

— Прибор этот вовсе не казенный, а частная моя собственность. Достался он мне от матушки по наследству. Матушка моя при царизме работала в должности гувернантки. У довольно важного чиновника. Так чиновник этот с этим биноклем на бега ездил. А когда в семнадцатом он в Париж подался, то бинокль матушке оставил в счет зарплаты за три месяца. Я мог бы вам еще много интересного рассказать, да, пардон, спешу. Судите сами, с какой стати мне с историческим биноклем в общей очереди стоять?

Во-о театр!

Думаю, не мог великий Станиславский не сказать, что и кончается театр вешалкой. Видно, при публикации сократили. Это бывает...

А вот в промежутке между вешалками другой раз театра-то и нет. Так-то вот, Константин Сергеевич...

Авансы за незаконную работу

(Из бланка).
Прислала Т. Моргачева, г. Елец.

«Вниманию родителей. В магазины нашего города поступили коляски для детей различных расцветок».

(Объявление).
Прислала Л. Чернасова, г. Нижний Тагил.

«СИАМСКОЙ КОШКЕ НУЖЕН СИАМСКИЙ МУЖ-КОТ»

(Объявление).
Прислал А. Спиван, г. Ленинград.

«Весной этого года работники Слободской свинофермы взяли обязательство получить на каждую свиноматку (при туровом методе приема молодняка) по одной тысяче поросят и обратились к свиноводам района поддержать их почин».

Газета «Бичурский хлебороб», Бурятская АССР.

«Продается мотоцикл ява с двумя горшками и с коляской Дуна».

(Из объявления).
Прислал В. Черпушнин, г. Ростов-на-Дону.

«Домоуправление № 1 предлагает Вам снять бельевые веревки, расположенные выше металлического ограждения.

В случае, если веревки не будут сняты, то Вы будете вызваны на административную комиссию Горисполкома и оштрафованы или срезаны Д/У № 1».

(Из уведомления жильцам).
Прислал А. Черноножев, г. Псков.

«У Чука был брат Хек».

(Из тетради школьника).
Прислала И. Скоробогатова, г. Балашиха.

«Теорема Пифагора применяется уже не веками, а столетиями».

(Из объяснения преподавателя).
Прислал В. Арбузов, г. Иркутск.

«Все мы хорошо помним случай, когда приехавший к нам известный гроссмейстер любезно согласился провести сеанс одновременной игры, и уже на первой доске юный шахматист Витя Горохов встретил гроссмейстера неожиданным матом».

(Из стенгазеты детского шахматного кружка).
Прислал А. Карташкин, г. Москва.

«ГОРОХОВАЯ КАША С МАЛЬЦЕМ»

(Ценник).
Прислала Н. Симонова, г. Куйбышев.

«С целью укрепления поварского состава изъята по предложению зав. производством для перевоспитания повар Скворцова».

(Из докладной).
Прислал Н. Ковтун, г. Калинин.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

ОЛИМПИЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1948 г. **XIV Олимпиада**

ВНОВЬ СТОЛИЦЕЙ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР СТАЛ ЛОНДОН.

Лондонский автобус оказался очень удобным для любителей автографов.

Улыбки разных

Войцех ДРЫГАС (Польша)

Точный ответ

Они бежали рысью по узким коридорам. Впереди доктор Пильшияк из «Скорой помощи», за ним секретарша директора, за нею санитары с носилками, затем инспектор из отдела контроля и, наконец, толпа бездельников из различных отделов.

Директора Вжавика застали в кабинете. Он подпрыгивал в кресле и не совсем связно выкрикивал:

— Безобразие! Черт знает что! Мозг барахлит! Будь это мой мозг — гори он синим пламенем! Но это мозг казенный!

Присутствующие понимающе переглянулись. Только доктор Пильшияк не потерял профессиональной ориентировки. Он ткнул Вжавика пальцем в живот и приказал:

— Кашляните!

Директор Вжавик кашлянул.

— А теперь скажите «а-а-а»,— приказал доктор.

Директор сказал «а-а-а».

— Удивительно,— пожал плечами доктор.— Теоретически вы не должны реагировать, а вы реагируете. Очень странно! — Он призадумался.— Ну, быстро: семь помножить на шестнадцать! Внимание, засекаю время!

— Сто двадцать,—не задумываясь, ответил директор.

— Положим, сто двенадцать,—поправил доктор,— но это не имеет значения. Вы совершенно нормальны.

Директор Вжавик сердито обернулся к секретарше.

— Кого вы привели? — строго спросил он.

— Психиатра,— пробормотала секретарша.— Вы требовали специалиста по мозгу.

— По мозгу электронному! — простонал Вжавик.— Электронному!

На столе затрещал телефон.

— Слушаю! — крикнул директор в трубку.— Это пан Фиделек? Наконец! Болтаетесь черт знает где, а мы работаем без мозга. ЭВМ с утра программирует сельдь в сметане и яйца в майонезе, а в то время как покупатель требует почки под белым соусом. Вы отдаете себе отчет в последствиях? Вся книга жалоб исписана. Это компрометация нашего кулинарного производства. Вы балбес, пан Фиделек! Немедленно отремонтируйте мозг! Без мозга мы как без рук. Я сам лично проверю вашу работу...

Все побежали рысью, теперь уже за директором Вжавиком. Впереди толпа бездельников из разных отделов, затем инспектор контроля, за ним секретарша директора, за нею санитары с носилками и, наконец, доктор Пильшияк из «Скорой помощи».

— Пан Фиделек! — позвал директор, появившись у электронно-вычислительной машины.

Техник выпростал голову из клубка проводов.

— Черт бы побрал этого Кишека,— заворчал он.— Влюбился некстати.

— Какого Кишека?—не понял Вжавик.

— Диспетчера центральной станции ЭВМ. Переживает первую любовь. А электронный мозг из солидарности с ним забросил вычисления и прогнозы и стал сочинять лирические стихи.

На пульте лежал плод электронного вдохновения. Директор Вжавик прочитал с чувством:

Любовь, любовь... Взять 206,
Отнять 103... Любовью грея,
Клиент влюбленный может съесть
103 салата в майонезе...

— А что? Неплохо! — сказал Вжавик.— Можно использовать для рекламы.

Техник Фиделек от досады ударил кулаком по электронно-счетной машине. На пульте замигали красные и зеленые огоньки.

— Починил! — обрадовался техник.— Работает! Ну, кто балбес?

Электронный мозг мгновенно выдал ответ. На табло появились цифры: «3, 7, 1, 3, 9, 10».

Техник Фиделек, просияв, расшифровал:

— Тройка — буква «В», семерка — «Ж», единица — «А», опять тройка — «В», девятка — «И», десятка— «К». А вместе...

— «Вжавик»,— сообразил директор,— это я?..

— Именно,— подтвердил Фиделек.— Ответ точный. Авария ликвидирована.

Спустя несколько дней директор Вжавик издал приказ:

«Электронный мозг уволить за профнепригодностью».— Подумал и на всякий случай изменил формулировку: «Освободить по собственному желанию».

Перевел Н. ЛАВКОВСКИЙ.

Покупательница спрашивает у продавца:

— Лук — десять франков за килограмм! Это же такой дешевый продукт...

— Но вы не учитываете доставку.

— Наверное, он у вас путешествует в спальных вагонах.

— К сожалению, сеньора, его нельзя предать земле по религиозным соображениям: если он назначил пенальти в ворота хозяев поля, значит, он самоубийца.

«Графико», Аргентина.

На производственном собрании:

— Я не могу уволить Ковальскую: она мне теща, и люди подумают, что я свожу с ней личные счеты...

— Похоже, что он уже был раньше женат!

«Скотсмен», Англия.

— С того дня он стал очень осторожен!

«Бунте иллюстрирте», ФРГ

— Ты знаешь, кто поделил год на двенадцать месяцев?

— Точно не знаю, но, наверное, тот, кто приобрел его в рассрочку.

Отклики и реплики

Уголок эрудита

Урок машинописи

Дорогой Крокодил! На рисунке Ю. Узбякова (№ 2) поэт перепечатывает на пишущей машинке свою поэму. Но почему текст отпечатывается не на той стороне листа, на которой следовало бы? По-моему, художник ни разу не сидел за пишущей машинкой. Я в этом уверена, так как учусь на курсах машинописи.

Майя П., г. Кишинев.

Мы дружно подвели художника к пишущей машинке, и в течение дня ему удалось отстукать: «Благодарю читательницу за правильное замечание и желаю ей стать отличной машинисткой».

Этимологический словарь

По пути классиков

«С чувством законного негодования окрыленный Лапкин отправился к себе в пенаты...»

Это из рассказа Т. Слуцкой «С приветом, Лапкин» (№ 12, 1979 г.). Прошу предупредить Т. Слуцкую, чтобы она никого больше, даже своих героев, не отправляла «в пенаты». Хотя это слово означает домашний очаг, родной дом, но в первоначальном смысле пенаты — древнеримские божки, хранители домашнего очага. Поэтому классики всегда писали: вернуться к родным пенатам (а вовсе не в них).

В. Мамчур, п. Верх-Усугли Тунгокоченского района Читинской области

Автору категорически рекомендовано впредь следовать по пути классиков.

«Старинная история»

№ 23, 1979 г.

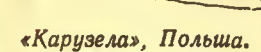
О халатном отношении к могильным памятникам на Морском кладбище во Владивостоке говорилось в одной из глав — «Состояние памятников» — фельетона «Старинная история». Мемориальный участок этого кладбища загорожен другими, не относящимися к мемориалу скульптурами.

Как сообщил председатель исполкома Владивостокского городского Совета народных депутатов тов. В. Нечаюк, фельетон был внимательно рассмотрен Владивостокским горисполкомом совместно с Приморским отделени-

ШИРОТ

«Арена», Югославия.

«Карузела», Польша.

Слова, слова...

Не опускайтесь до высокомерия!

Наскальная надпись в Антраша (Франция).

Что такое истина, можно узнать и не преследуя ее.

М. Геи, американский социолог.

«В мою автобиографию вкралась неточность — это не я».

Из заявлеиия, найденного в архивах Спарты.

Если у кого-то нет собственного мнения, значит, у кого-то другого их два.

Из гренландского учебника «Как стать принципиальным».

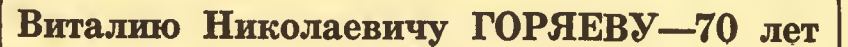
— *Защищайся!*

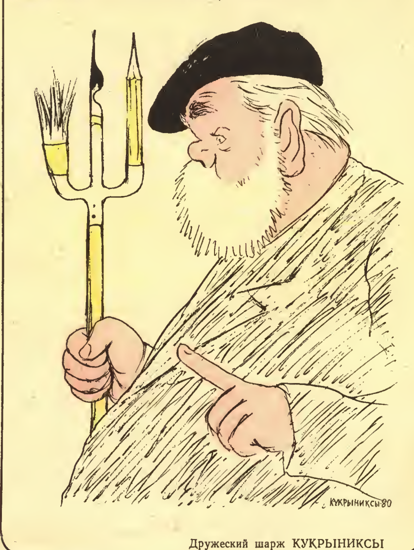
«Зи унд Эр», ФРГ.

●

— Вчера я купил в букинистическом книгу «Как стать миллионером». Но дома я увидел, что полоаина страниц аырваиа!

— Ничего страшного, полмиллиона тебе тоже не помешают.

Дружеский шарж КУКРЫНИКСЫ

ем Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Критика признана справедливой.

Исполком совместно с Приморским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры составил план работ по благоустройству мемориального участка кладбища. Проект реставрации памятника исследователю Приморского края и писателю В. К. Арсеньеву и его сподвижнику А. И. Мерзлякову поручено изготовить Приморскому отделению Художественного фонда РСФСР. Намечен ряд мер по улучшению охраны всего мемориала.

№ 11 (2309) **апрель**

Глааный редактор Е. П. ДУБРОВИН.

Редакционная ноллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редантора), А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор), Г. О. МАРЧИК, И. М. СЕМЕНОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ (отаетстаенный сенретарь).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС: 101455, МОСКВА, ГСП, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого иомера придумали: М. Абрамов, В. Ашмаиов, Н. Белевцев, В. Боновия, М. Виленсннй, Р. Друкмаи, Л. Коноваленно, Н. Крутиков, Н. Лисогорский, Е. Милутна, В. Мохов, И. Норинский, Л. Рохин, Р. Самойлов, Н. Ступии, Л. Филиппова, Ю. Черепанов.

Технический редантор В. Г. МОЧАЛОВ. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 17.03.80. Подписано к печати 25.03.80. А 06559. Формат бумаги 70×108¹/₈. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 6 000 000 экз. (1-й завод: 1—3 860 000). Изд. № 1016. Заказ № 2131.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Онтябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии Издательства ЦК КП Узбенистана, г. Ташиент, ул. «Правды Востока», 26. Тираж 5800000 (3 завод 4100001—4500000). Заназ №3141.

Владимир МОНАСТЫРНЫЙ

В мире открытий

Раснопки делали. И вот
Отрыли древний химзавод.
Ни для ного теперь не тайна,
Что ящер вымер не случайно.

Н. КАРПОВ

Датский язык

Я решил изучить датский!
Я учебнин достал датский
И толстенный словарь датский,
На хороший нирпич похожий.

Окружил себя всем датсним,
Даже сыр покупал датский!
И с великой надеждой думал:
«Мне еще бы жену-датчанну!»

Время шло, и она явилась —
Копенгагенская русална.
Родилась она, праада, а Брянсне,
Но нашли мы язык общий.

Через год родилась дочка,
А за нею еще сынишна.
И забросил я саой датский,
Начал снова учить детский...

В слепом антисоветском раже вашингтонская администрация отменила экспозицию картин ленинградского Эрмитажа в США.

— Пускать не велено!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Цена номера 20 коп. Индекс 70448